

§ 7. Поэт-философ о поэте мысли: Е. А. Боратынский в восприятии Вяч. Иванова¹

Ю.Ю. Анохина

Представление о том, что символисты возродили память о поэзии Боратынского после забвения во второй половине XIX века, уже укоренилось в литературоведении. «<...> старшие символисты, — пишет О. Лекманов, — отвоевали автора “Сумерек”, если не у полного забвения, то уж точно у твердо устоявшихся еще со времен В. Г. Белинского представлений о Боратынском как о второстепенном, неактуальном поэте². Интересу символистов к Боратынскому способствовал ряд факторов, среди которых общий интерес к философии и поэтике романтизма как основаниям символистских исканий, а также индивидуальные особенности стиха этого поэта и ярко выраженное интеллектуальное начало его произведений. При этом, как показывает М. М. Гельфонд, «пути» участия поэтов рубежа XIX–XX веков в процессе «возрождения» интереса к творчеству Боратынского были различными: В. Я. Брюсов и Ю. Н. Верховский проводили архивные разыскания и осуществляли филологическую подготовку произведений к публикации, писали о его творчестве работы историко-литературного характера, для А. Белого, О. Э. Мандельштама и В. Ф. Ходасевича поэзия Боратынского стала своего рода ориентиром в их собственных исканиях³. Благодаря тому, что поэты-символисты напомнили о творчестве Боратынского своим современникам, к его лирике стали обращаться не только поэты и литературоведы, но и философы (В. В. Розанов, И. А. Ильин)⁴. В восприятии творчества Боратынского русским

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы имени А. М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (РНФ, проект № 17-18-01432-П).

² Лекманов О. <Набросок к юбилейной заметке о Евгении Баратынском> Ивана Коневского // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. М.: Водолей, 2010. С. 76.

³ Гельфонд М.М. «Читателя найду в потомстве я...»: Боратынский и поэты XX века. М.: Биосфера, 2012. 217 с.

⁴ Наблюдения по этому вопросу в статьях: Анохина Ю.Ю. Личность и поэзия Е. А. Боратынского в русской философской мысли конца XIX – начала XX века: Вл. Соловьев и В. В. Розанов о поэте // Литература и религиозно-философская мысль конца

поэтом-философом Вяч. Ивановым⁵ обнаруживается своего рода синтез поэтического, филологического и философского подходов: поэтический метод Иванова в чем-то близок творчеству Боратынского, и вместе с тем он нередко обращался к стихам поэта пушкинской поры для того, чтобы яснее выразить свои эстетические положения.

Идея принадлежности лирики Иванова и Боратынского одной поэтической традиции была выдвинута в литературной критике Серебряного века. В рецензии на первую книгу стихов Иванова «Кормчие звезды» поэт и литературный критик А. А. Курсинский подчеркнул, что произведения Иванова родният с лирикой Боратынского и Тютчева интеллектуальное начало, поэт Серебряного века наследует традиции «поэзии мысли»⁶. В. Ходасевич в отзыве на «Римские соныты» Иванова вспоминал пушкинскую характеристику поэзии Боратынского, известные слова Пушкина: «Никто более Боратынского не вложил чувства в свои мысли». Ходасевич предположил, что эти слова могут быть отнесены к Иванову «еще вернее, чем к самому Боратынскому»⁷. По Ходасевичу, поэтов объединяет то, что стремление к философствованию в художественном творчестве не оборачивается морализаторством: «Отсутствие дидактичности освобождает ее и от упрека в отсутствии той специальной “глуповатости”, которой требовал от поэзии Пушкин и которую он, разумеется, и умел находить в поэзии “задумчивого” Боратынского»⁸. Р. В. Иванов-Разумник писал: «Тяжеловесно-велелепная философская поэзия В. Иванова идет от Баратынского и Тютчева; архаизированная, она возвращает нас чуть ли не к XVIII веку, к Державину, к масонам rationalistам и мистикам»⁹.

XIX – первой трети XX века: К 165-летию Вл. Соловьева / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2018. С. 310–324. (Серия «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 2); Анохина Ю. Ю. Поэзия Е. А. Боратынского в восприятии И. А. Ильина // Литература и философия: От романтизма к XX веку. К 150-летию со дня смерти В. Ф. Одоевского / Отв. ред. и сост. Е. А. Тахо-Годи. М.: Водолей, 2019. С. 480–489 (Сер. «Русская литература и философия: пути взаимодействия». Вып. 3).

⁵ См. нашу статью на эту тему: Anokhina Yu.Yu. «Snovidets Mnemoziny»: dreaming of Mnemosyne: Evgeny Boratynsky's poetry in Vyacheslav Ivanov's aesthetics // Studies in East European Thought. 2020. Vol. 72. No 3–4. P. 279–290.

⁶ Курсинский А. А. [Рец. на кн. Вяч. Иванова: Кормчие звезды: Книга лирики] // Курьер. Москва. 1903. № 88, 27 мая. С. 3.

⁷ Ходасевич В. Ф. Книги и люди: «Современные записки» кн. 62-я // В. И. Иванов: pro et contra. Т. 1. СПб.: РХГА, 2016. С. 606.

⁸ Там же. С. 607.

⁹ Иванов-Разумник Р. В. Русская литература XX века (1890–1915). Пг.: Колос, 1920. С. 26.

Приведенные высказывания демонстрируют, что мысль о сходстве художественных методов Иванова и Боратынского бытowała в литературной критике рубежа XIX–XX веков. Эта идея подтверждается и в современном литературоведении. М. М. Гельфонд заключает, что в художественных мирах Иванова и Боратынского обнаруживается «определенное сходство поэтики, связанное с природой философской лирики»¹⁰. По наблюдению ученого, для обоих поэтов «поэзия стала своего рода способом рационального познания мира»¹¹. Т. Венцлова указывает, что источником философских идей, воплотившихся в произведениях поэтов, была философия Шеллинга. По поводу стихотворения Иванова «Язык» Венцлова пишет, что в этом произведении «человеческий язык, знаковые системы культуры сближаются с языком природы». Ученый подчеркивает: «Эта концепция, восходящая к Шеллингу и любому драме, была близка Вячеславу Иванову — так же как Баратынскому, Тютчеву, Фету <...>»¹². Отмеченная в критике и литературоведении сродственность художественных миров поэтов вызывает вопрос о роли поэзии Боратынского в эстетической концепции Иванова. Действительно ли лирическое наследие Боратынского было для Иванова «только камешком в пестром ожерелье опытов или иллюстрацией к теории»¹³, как утверждал Г. О. Винокур, выступивший с критикой символистского прочтения поэзии Боратынского? Или же интерес Иванова к этому поэту имеет свои философско-эстетические основания?

Возникновение интереса Иванова к Боратынскому было связано, по-видимому, с его включенностью в литературный контекст эпохи, творческим диалогом с поэтами, интересовавшимися Боратынским с историко-литературной точки зрения. В 1908 году в одном из июньских писем В. Я. Брюсову Иванов поздравил адресата с находкой неопубликованного варианта редакции послания Боратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры». Послание, как известно, не понравилось Пушкину, он писал Дельвигу, что в «в нем мало перцу». Иванову же полемическая заостренность послания показалась достаточной, и сначала он даже захотел

¹⁰ Гельфонд М. М. «Читателя найду в потомстве я...». С. 61.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Венцлова Т. В. И. Иванов. «Язык» // Вяч. Иванов: pro et contra. Т. 2. СПб.: РХГА, 2016. С. 290.

¹³ Винокур Г. О. Баратынский и символисты / Подг. и прим. С. Г. Бочарова // К 200-летию Боратынского: Сб. мат. междунар. науч. конф., состоявшейся 21–23 февраля 2000 г. (Москва-Мураново). М.: ИМЛИ РАН, 2002. С. 40.

поставить эпиграфом к своему ответу Белому стихи из этого текста. Иванов писал Брюсову:

Поздравляя тебя с отличным открытием, признаюсь, что чувствую великий соблазн поставить к своей заметке эпиграфом стих Баратынского: Признаться, в день сто раз — — — (sic!) и травлей авторской смешить гостиный ряд, — в поучение “журнальному фанатику” А. Белому. Если выставишь этот эпиграф, сильно меня обрадуешь. Вяч.¹⁴

Правда, спустя некоторое время Иванов попросил Брюсова не ставить эпиграф¹⁵, поэтому статья «Б. Н. Бугаев и “Realiora”» опубликована без него. Случай с несложившимся эпиграфом может быть рассмотрен как конкретный пример процесса «освоения» Ивановым поэзии Баратынского.

Строки из сатиры «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры» возникают в творческом диалоге Иванова и с другим поэтом-символистом — Ю. Н. Верховским, который, как и Брюсов, интересовался творчеством Баратынского как филолог. Верховский в стихотворном письме Иванову от 13 августа 1908 года цитирует строки из этой сатиры Баратынского Гнедичу: «Я помню стих прекрасный: / Полезен обществу сатирик Беспристрастный...¹⁶. Цитата явно рассчитана на узнавание, да и фамилия поэта появляется в том же стихотворении, ниже, когда Верховский делится планами научных комментировок: «Вслед Боратынскому хочу лететь в Казань»¹⁷. Фамилия поэта становится отсылкой к житейским обстоятельствам автора послания и в то же время символом эпохи «золотого века» русской поэзии, особенно ценной для участников переписки.

Стихотворные дружеские послания занимали особое место в наследии поэтов Серебряного века. Произведения в этом жанре создавались преимущественно с ориентацией на поэтов «пушкинской поры», и в этом отношении начавшаяся в 1907 году поэтическая «переписка» Иванова и Верховского не исключение. Современный российский филолог, специалист по истории символизма А. В. Лавров отмечает: «Содержание и стилистика стихотворных посланий Верховского и Иванова вполне соответствовали тем критериям, которыми руководствовались

¹⁴ Вяч. Иванов — В. Я. Брюсову // Вячеслав Иванов. Исследования и материалы. Вып. 2 / Отв. ред.: Н. Ю. Грекалова, А. Б. Шишкян. СПб.: РХГА, 2016. С. 351.

¹⁵ Там же. С. 353.

¹⁶ Лавров А. В. Символисты и другие: Статьи. Разыскания. Публикации. М.: Новое лит. обозрение, 2015. С. 411.

¹⁷ Там же. С. 412.

поэты пушкинской поры в собственных опытах»¹⁸. Неудивительно изобилие цитат из произведений поэтов первой трети XIX века, в том числе из произведений Баратынского. Например, в первом ответе Иванова стихи «Почтовой рифмой упрежду / Живую рифму поцелуя»¹⁹ напоминают финал послания Баратынского П. А. Вяземскому: «Хотя вам прозою почтовой / Лениво дань мою плачу»²⁰.

Отсылку к Баратынскому содержит и «Письмо из черноземной деревни» (1913) Верховскому. В последней октаве Иванов признается, что обратился к Баратынскому благодаря адресату стихотворения:

Безмолвна лира; но напевней
Здесь Баратынского струна
Звучит, хозяином деревни
Молитвенно оживлена.
К тебе из пустыни поэта
Стремится мысль: тебя здесь нет!
Звезда скатилась — песня спета...
А ты про что поешь, поэт?²¹

Фамилия самого поэта — ключ к образности стихотворения. Образы звездного небосклона и «скатившейся» с него звезды напоминают о стихотворениях «Взгляни на звезды: много звезд...», «Мою звезду я знаю, знаю...» и «Осень». В последнем образ падающей звезды ассоциируется со смертью Пушкина и в целом, символизирует финал творческого пути художника слова.

Практика дружеских посланий в духе поэзии пушкинской поры согласуется с актуальной для Иванова философией жизнетворчества. Поэтому понять, какова в этих посланиях роль Баратынского, — значит на конкретном примере увидеть воплощение жизнетворческих установок ивановской теории символизма. Баратынский в посланиях предстает «своим» не только для Верховского как исследователя, но и для Иванова как читателя, поэтому и отсылки к его произведениям — это и «код», понятный участникам диалога, и механизм стилизации.

¹⁸ Там же. С. 402.

¹⁹ Лавров А. В. Символисты и другие. С. 402.

²⁰ Баратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы / Издание подготовил Л. Г. Фризман. М.: Наука, 1982. С. 272.

²¹ Иванов В. И. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1987. С. 13.

В поэтический диалог с поэтом пушкинской поры Иванов вступил и в стихотворении «Перед портретом Боратынского» (1915). Это стихотворение тоже написано в духе поэзии «золотого века» — в излюбленном романтиками жанре «к портрету». По предположению М.М. Гельфонд, речь здесь идет о литографии А. Мюнстера с рисунка А. Лебедева²². «До темени пологое чело», — пишет Иванов об изображении поэта²³, — и действительно, на рисунке А. Лебедева Боратынский изображен удивительно высоколобым. В сонете высокий лоб — ключ к пониманию личности поэта: в стихотворении представлена попытка «постижения внутреннего через внешнее»²⁴. «Внутреннее» (то есть психологическое состояние), в отличие от внешнего (облик поэта), запечатлевается не в статике, а в становлении. Состояние кризиса диалектически преодолевается силой искусства: «Чело — скрижаль надменья и обиды / И новое над ним растет светло <....> Его покой лобзают Аониды». Мысль о терапевтических возможностях поэзии чрезвычайно близка самому Боратынскому — хотя бы в знаменитом «Болящий дух врачует песнопенье...». Этим стихотворением Иванов подтверждает свою мысль о том, что «слово-символ делается магическим внушением, приобщающим слушателя к мистериям поэзии»²⁵.

В первом катрене выражено представление Иванова о месте поэта в мироздании (видимо, не только Боратынского, но «художника слова» вообще). Поэт уподоблен «сынам забвенної Атлантиды», он наследует древней легендарной цивилизации. «Пространственное» положение поэта промежуточно: он соединяет земное — материальное и небесное — и духовное. Подобно колонне, держащей архитектурное сооружение, поэт «удерживает» мироздание («Не небо ль налегло / Навесом сфер на <кость> карнатиды»). Будто карнатиды, поэты не просто «украшают» пространство мироздания, но являются его «несущими конструкциями».

Стихотворение Иванова нельзя назвать в полном смысле экфрасисом, потому что, в сущности, только одна черта облика поэта в центре внимания — чело. Этот образ полифункционален: он характеризует внутренний мир Боратынского, а также порождает цепочку ассоциаций, раскрывающих представление Иванова о месте и роли поэта и поэзии в мире.

²² Гельфонд М.М. «Читателя найду в потомстве я...». С. 61.

²³ Иванов В.И. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. С. 32.

²⁴ Гельфонд М.М. «Читателя найду в потомстве я...». С. 62.

²⁵ Иванов В.И. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 183.

Специфично «боратынскими» являются ключевые слова стихотворения. Слово «скрижаль» напоминает о стихотворении «Что за звуки? Мимоходом...», где благодаря образу «музыкальных скрижалей» «старец нищий и слепой» уподоблен пророку, которому доступно божественное откровение. Глагол «немотствовать» «заимствован» из стихотворения «Бокал», лирический герой которого постигает истину в «немотствующей пустыне». Финал сонета — своего рода ответ на вопрос, которым Боратынский задавался в течение всего творческого пути и наиболее остро поставил в стихотворении «Рифма»: «Песнопевца жар — смешной недуг иль высший дар?»²⁶ Для поэта-символиста нет противоречия между бредом и откровением: «Так памятью Вселенной / Немотствовал и бредил гимн священный», — ответ поэта-символиста на вопрос о природе творчества.

Иванов актуализирует и античную образность, которая «вся почти восходит к Боратынскому»²⁷. Знаковую роль играют и образы Леты и Мнемозины — раскрывающие оппозицию забвения/памяти — противопоставление, важное для поэтической философии обоих поэтов. Иносказание «сновиц Мнемозины», которым Иванов называет Боратынского, связывает столь различные художественные миры. Это словосочетание «ведет» как минимум к двум историософским стихотворениям Боратынского: «Последней смерти» и «На что вы дни? Юдольный мир явления...». Вместе с тем такая характеристика указывает на способность поэта к памятованию исторического и внеисторического прошлого. Тема исторической памяти — важнейшая для Боратынского: в течение творческого пути историософские представления поэта заметно эволюционировали. Интимно-личное призвание в поэтическом переложении стихотворения Мильвуа «Лета» («Я минувшее люблю...») сменяется стремлением в «немых развалинах» Рима и «гранитах финских» прочитать о давно прошедшем. В итоговой книге «Сумерки» звучит призыв бережно относиться к «правде прошлого» («Предрассудок! Он обломок...»). Категорию памяти Иванов рассматривал как наиболее значимую в поэзии Боратынского. Он писал о ней как о «задумчивой и глухоторжественной мелодии», которая «кажется голосом темной памяти о каком-то давнем живом знании, открывающим пред зрячим некогда взором поэта тайную книгу мировой души»²⁸. Связь проблемы памяти с вопросами эстетики предвосхища-

²⁶ Баратынский Е.А. Стихотворения. Поэмы. С. 303.

²⁷ Гельфонд М.М. «Читателя найду в потомстве я...». С. 61.

²⁸ Иванов В.И. Собрание сочинений: В 4 т. Т. I. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971. С. 186.

ет разработанную Ивановым теорию Памяти. Правда, своеобразное Боратынскому сближение понятий «воспоминание» и «память» Иванову чуждо — для него, как показывает Е. А. Тахо-Годи, Память и Воспоминания — это не одно и то же. Характерно, что Боратынский оказывается среди тех поэтов, которые силой своего гения способны к приобщению аполлонической памяти, которая «обладает целительной силой, которая восстанавливает единство человеческой души и мира»²⁹.

В лирическом произведении, в котором, на первый взгляд, первичны форма и включенность в литературную «игру» (оно написано в форме сонета, в традиционном для романтиков жанре «к портрету», обращено к одному из знаковых поэтов пушкинской поры) выражены ключевые положения ивановской философии искусства поэзии. Поэт — тайновидец, сновидец, чье духовное делание представляет собой условие устойчивости мироустройства.

Философично и обращение Иванова к Боратынскому в амплуа филолога-переводчика. В 1933–1934 годах в память о столетии со дня смерти И. В. Гёте Иванов перевел стихотворения Боратынского и Ф. И. Тютчева, откликнувшись на известие о кончине немецкого поэта. Переводы предварены небольшой заметкой, содержащей характеристику творчества поэтов. Ценность стихотворений «На смерть Гёте» Боратынского и Тютчева, по Иванову, не только в их эстетическом совершенстве (эти стихотворения — «среди прекраснейшего, что было написано во славу Гёте»³⁰). Они значимы и в кросс-культурном отношении, так как показывают, насколько серьезным было влияние Гёте на русских интеллектуалов XIX века.

Определяющую роль в той характеристике, какую дает Боратынскому Иванов, играет пушкинское представление о его лирике как метафизической. Сам характер философских идей, выразившихся в поэзии Боратынского, а также художественный стиль поэта Иванов объясняет психологическими особенностями личности. Черты психологического портрета поэта интерпретируются как продуцирующие те или иные аспекты его художественной философии. Например, «чувство отрешенности», испытываемое, как полагает Иванов, поэтом, порождает стоицизм. Стремление поэта рассматривать явления изменяющегося мира

²⁹ Takho-Godi E.A. Healing by Memory: The Case of Vyacheslav Ivanov // L'Age d'argent et l'emigration russe. Cahier 1: Regards croisés sur la mémoire de la Révolution russe en exil (1917–2017) / Серебряный век и русская эмиграция. Книга 1: Современный взгляд на память о Русской революции в изгнании (1917–2017). Lyon: Service Éditions de l'Université Jean Moulin Lyon 3, 2019. Р. 175.

³⁰ Иванов В. И. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. С. 163.

«с точки зрения вечности», с максимальной широтой обобщения, оказываются обусловленными некой душевной раной поэта. Даже скромная оценка, которую Боратынский давал своей поэзии в стихотворении «Не ослеплен я музою моей...», представляется Иванову результатом «затаенной гордости»³¹. Характер философских идей, выдвигаемых поэтом, влияет, по Иванову, и на художественный стиль произведений. Упомянутое стремление к обобщениям порождает «монументальность» и «лапидарность» стиха, а «откровенный агностицизм» — торжественно-величавое спокойствие. Наиболее ярко историософские воззрения Боратынского, по Иванову, выразились в «Последнем поэте» и «Приметах» — стихотворения остаются неназванными, но на них указывают приведенные цитаты. По мнению Иванова, лирический герой стихотворения «Последний поэт» был «вызван» Боратынским как медиум. Проблема памяти здесь тоже предстает наиболее значимой в творчестве поэта: «Кажется, что дух нашего “Pensieroso” обнимает взором, с высот сверхличной памяти, изъятой из потока времен, все порывы человеческой жизни как единую мрачную драму»³².

Интерес Иванова к Боратынскому не был специальным, систематичным. Несмотря на это, определенную эстетическую близость к поэту пушкинской поры Иванов, по-видимому, ощущал. Недаром размышления о лирике Боратынского становятся для Иванова поводом к рассуждению о природе поэтического слова и творчества в целом. При этом особое внимание Иванов обратил на те стихотворения, которые могут быть названы программными: «Последний поэт», «Приметы», «На смерть Гёте» — в них выражалось представление о поэте как о гении, пророке, которому открыто недоступное «толпе» знание — представление,озвучное и самому Иванову. Как и для Боратынского, для Иванова чрезвычайно значима фигура И. В. Гёте: видимо, влиянием немецкого поэта можно объяснить близость художественной философии обоих «поэтов мысли» — Боратынского и Иванова.

³¹ Там же. С. 164.

³² Там же.